

ЖЕНСКАЯ И МУЖСКАЯ СФЕРА КУЛЬТУРЫ В СКИФСКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ (СЦЕНЫ С УЧАСТИЕМ ХИЩНИКОВ И АНТРОПОМОРФНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ)

Искусство скифского времени известно, прежде всего, по многочисленным изображениям различных животных. Изображения антропоморфных персонажей встречаются гораздо реже и совсем редки изображения, на которых антропоморфные персонажи взаимодействуют с животными, прежде всего, хищниками.

Изображения сцен с участием хищников и антропоморфных персонажей были распространены, как правило, в западных регионах скифского мира. Их можно условно разделить на 4 типа в зависимости от характера взаимодействия персонажей.

Тип 1. Охота с участием собаки.

Этот сюжет представлен на двух изображениях IV в. до н.э.: на чаше из кургана Солоха (Северное Причерноморье), где изображена охота на львов (рис.1, 1) (*Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986: 158, 159*), и на ажурном колпачке из могильника Тээргэ-III (Тува), где изображена сцена охоты на кабана (рис.1, 2) (*Грач, 1980: 81, рис. 117*).

Тип 2. Охота всадников на хищника.

Представлена несколькими оригинальными изображениями IV в. до н.э. из степного Северного Причерноморья. На чаше из кургана Солоха на одной стороне изображена сцена охоты всадников с собаками на льва (рис.1, 1) (*Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986: 159*), на другой – сцена охоты всадников на рогатую львицу (*Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986: 158*).

На парных уздечных бляшках из кургана Огуз изображен всадник на вздыбленном

коне, замахнувшийся на хищника, стоящего у ног коня (рис.1, 3-4) (*Фиалко, 1995: 137, 138, рис.3*). Оружие в руках всадника не обозначено, но вполне можно предполагать, что это копье. Подобное огузским изображение происходит из фракийского комплекса из Луковита в Болгарии (*Фиалко, 1995: рис.7, 2*).

К этому типу можно отнести и сцену, воспроизведенную на навершии из кургана Слоновская Близница: всадник сидит на грифоне, который напал на пятнистого хищника (рис.1, 5) (*Канторович, 1998: рис.1, 1-2*). По поводу интерпретации данного изображения существует немало различных мнений (см. их обзор: Канторович, 1998). В частности, большинство исследователей считает пятнистое животное копытным. Тем не менее, определяющим видовым признаком животного может служить передняя лапа, подогнутая вперед, локтем назад, так как это характерно только для хищников. Близкое по сюжету изображение происходит из кург.1 у с. Дуровка (Среднее Подонье): всадник с поднятой правой (?) рукой сидит на грифоне, который напал на оленя (*Пузикова, 2001: рис.7, 1*).

Тип 3. Борьба хищника и антропоморфного персонажа. Представлен тремя вариантами.

Вариант А. Борьба мужского персонажа со львом голыми руками.

Архаическое изображение такой сцены помещено на ритоне из Келермесских

курганов в Прикубанье (рис.2, 1) (*Галанина, 1997: кат.41, табл.39, 41*). Изображения IV в. до н.э. представлены серией золотых округлых бляшек из северопричерноморских курганов: Чертомлыка, Чмыревой Могилы, Мордвиновского, Шульговки, Верхнего Рогачика, Куль-Обы (*Артамонов, 1961: 79*) и Желтокаменки (*Мозолевский, 1982: 211, рис.37, 21*). На них изображен обнаженный мужчина (Геракл), который опустившись на одно колено и, обхватив правой рукой шею льва, душит его (рис.2, 3-4) (*Мозолевский, 1982: 211, рис.37, 21; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991: кат.212, 29а, рис.75*). Более реалистичное изображение этой сцены происходит из причерноморского кургана Баби-на Могила, где найдены округлые уздечные бляхи с изображением поединка Геракла с немейским львом (*Мозолевский, Полин, 2005: табл.8, 4*). Из этого же комплекса происходит бляшка с изображением поединка Геракла с цербером, выполненная также достаточно реалистично (*Мозолевский, Полин, 2005: табл.8, 3*).

Вариант В. Антропоморфный персонаж убивает хищника мечом.

Одна такая сцена изображена на халцедоновой печати, вероятно ахеменидского производства, которая происходит из кург. 2 вблизи с. Покровка Оренбургской обл. (рис.1, 8) (*Смирнов, 1964: 147, рис.16, 26*). Другая – на парных серебряных нашечниках из кургана Огуз в Северном Причерноморье (рис.1, 6-7) (*Фиалко, 1995: 135, рис.1*).

Вариант С. Терзание хищником человека.

Такая сцена помещена на боковых выступах ножен меча из кургана Солоха в Северном Причерноморье (рис.2, 6-6а) (*Манцевич, 1969: рис.3; 11*). На бляшках из кург. 5 у с. Архангельская Слобода (Северное Причерноморье) изображен лежащий хищник с повернутой анфас головой, в лапах которого находится человеческая голова (рис.2, 7) (*Лесков, 1981: 140-141, рис.26*). Вполне возможно, что условная сцена нападения хищника на антропоморфного персонажа изображена на конском наноснике из кург.1 некрополя II Тенгинского городища (рис.2, 5) (*Эрлих, 2002: рис.4, 13*).

В верхней части ритона из Уляпского кург. 4 (Прикубанье) воспроизведены

сцены гигантомахии (?); в одной из них изображен маленький хищник с гривой, запрыгнувший бородатому обнаженному мужчине на грудь и кусающий его за шею (рис.2, 2) (*Сокровища курганов Адыгеи, 1985: 33, кат.365*).

Оригинальной, непонятной и потому не отнесенной к перечисленным выше вариантам, представляется сцена на шитке перстня из кург. 4 в ур. Носаки в Северном Причерноморье (рис.1, 9). Согласно В.Г. Петренко, здесь изображен «человек с кувшином перед львиной мордой» (*Петренко, 1978: 62*).

Тип 4. Женский персонаж (богиня) с хищниками.

Вариант А. Богиня сидит на одном или двух хищниках.

Представлен двумя разновидностями. Первая – изображения на золотых височных подвесках из кургана Толстая Могила (Северное Причерноморье) и кург. 5 (1908 г.) у с. Мастюгино (Среднее Подонье) (рис.3, 5-6) (*Мозолевский, 1979: 135-136, рис.117-118; Манцевич, 1973: 37, рис.11, 2*). В обоих случаях богиня сидит с поднятыми руками – так называемая поза оранты – на двух хищниках. Еще одно подобное изображение происходит из кург.2 у с. Любимовка (Северное Причерноморье) (рис.3, 7) (*Лесков, 1972: 54, ил.21*), но здесь богиня сидит на одном хищнике. Как отметила С.С. Бессонова, такой тип изображения «достаточно выразительно отражает негреческие традиции, связанные с памятниками кавказского круга и луристанскими бронзами», а представленный образ был, вероятно, изначально характерен для иранских народов (*Бессонова, 1983: 92-93*). Похожие подвески найдены и в погр. 3 кург. 10 у с. Великая Белозерка (Северное Причерноморье), однако, здесь богиня сидит на двух баранах, а сзади нее изображены разнонаправленные фигуры сфинксов (*Гуляев, 2005: ил.113*). Еще одно изображение богини между двумя копытными животными (оленьями?) происходит из Александропольского кургана (Северное Причерноморье) (*Бессонова, 1983: 89, рис.12, 2*).

Вторая разновидность представлена изображением на бляшке из кургана Большая Близница (Прикубанье), где

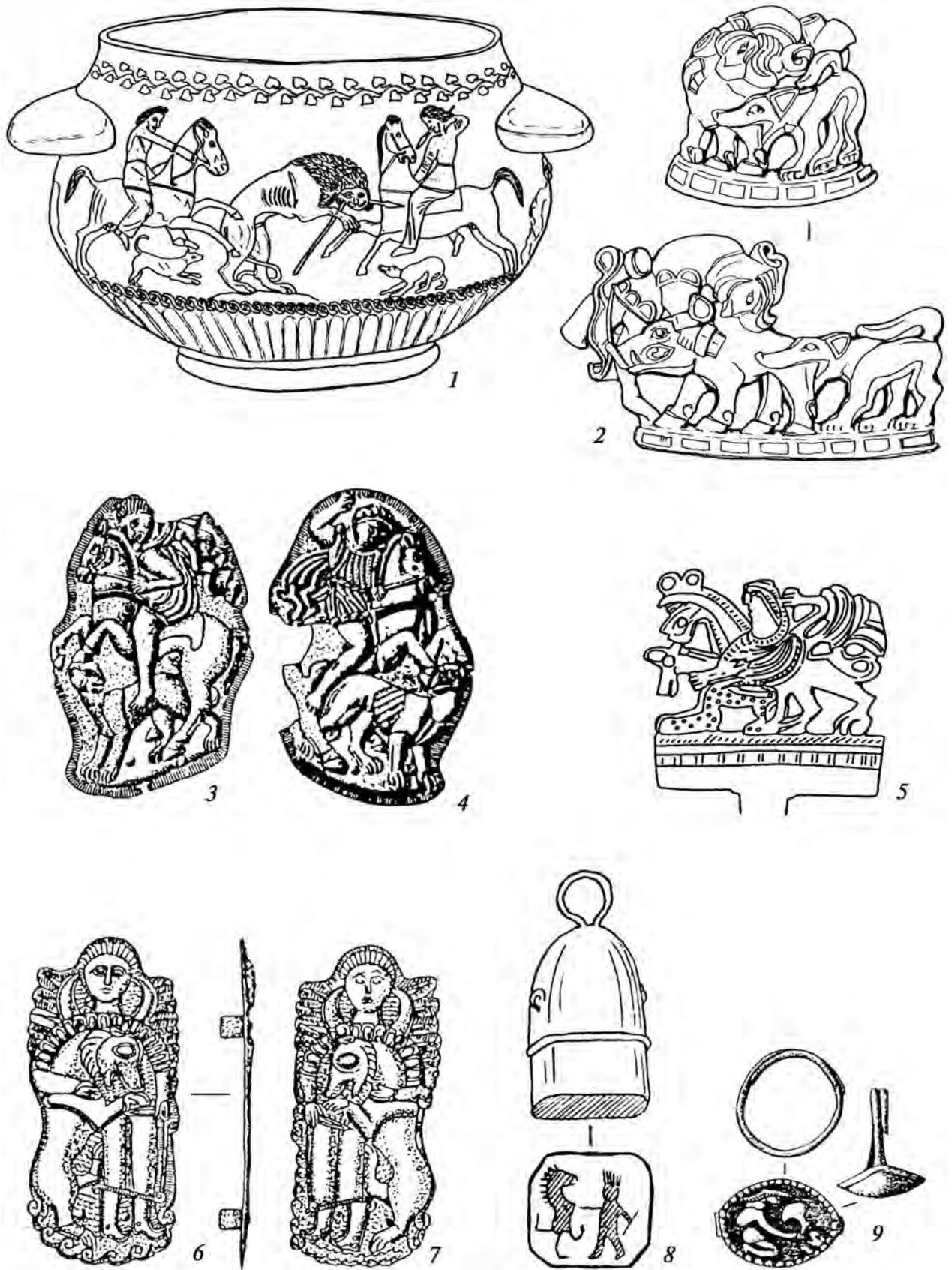

Рис.1.

1 – курган Солоха, Сев. Причерноморье (по: *Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986*); 2 – мог-к Тээргэ-III, Тува (по: *Грч, 1980*); 3-4, 5-6 – курган Огуз, Сев. Причерноморье (по: *Фялко, 1995*); 5 - курган Слоновская Близница, Сев. Причерноморье (по: *Канторович, 1998*); 8 – кург. 2 у с. Покровка, Южное Приуралье (по: *Смирнов, 1964*); 9 – кург.4 в ур. Носаки, Сев. Причерноморье (по: *Петренко, 1978*).

воспроизведена богиня, которая сидит на хищнике, левой рукой держась за него, а в правой держа двуручную чашу (рис.3, 4) (Артамонов, 1966: табл.286). Подобная сцена воспроизведена еще на одной бляшке из кургана Большой Близницы, но здесь богиня сидит на грифоне (Артамонов, 1966: табл.288).

Вариант В. Богиня, держащая хищников за лапы.

В одном из секторов зеркала из Келермесских курганов в Прикубанье (рис.3, 3) изображена крылатая богиня, держащая двух львов за передние лапы (Максимова, 1954: рис.1). Близкое по сюжету изображение IV в. до н.э. (рис.3, 2) происходит из погр.1 кург. 11 у с. Старый Мерчик в бассейне р. Северский Донец (Бандуровский, Буйнов, 2000: рис.19, 5).

Композиционно к этому же варианту можно отнести и фигурное изображение женского божества, которое служило ручкой зеркала из Херсонского кургана в Северном Причерноморье (рис.3, 1) (Кузнецова, 1991: рис.14). Здесь на плечах богини расположены два маленьких хищника (собаки или шакалы), которые стоят на задних лапах с повернутой анфас головой.

Из Верхнерогачикского кургана в Северном Причерноморье происходят бляшки, на которых изображена богиня, сидящая с птицей на руке, и собакой, сидящей перед богиней (Онайко, 1970: кат.4936).

Как видим, сцены с участием хищников и женских персонажей резко отличаются по характеру от сцен с участием хищников и мужских персонажей. В первом случае — это мирное сосуществование или даже владычество женского персонажа над хищниками, во втором — смертельное противостояние.

По всей видимости, такое различие было связано, в первую очередь, с символикой образа хищника, одного из самых популярных образов изобразительного искусства почти всех народов скифского мира.

В структуре Вселенной хищные звери, согласно Д.С. Раевскому, соотносятся только с нижним, хтоническим миром (Раевский, 1985: 116-121; см. также: Переводчикова, 1994: 14-15). В различных контекстах,

прежде всего, в оформлении меча и его ножен, хищник выступал символом и главным представителем нижнего мира. Известно, что в индоевропейской мифологической традиции эта часть мира соотносилась с женским началом, олицетворением которого была Богиня Земли. Скифские изображения богини с хищными зверями также можно рассматривать в этом контексте. Изображение, аналогичное упомянутому северопричерноморским и прикубанским изделиям (рис.3, 4-7), происходит из могильника на Тилля-тепе (Афганистан), также связанного с североиранскими народами (Сарианиди, 1983: 77-80). В.И. Сарианиди отметил, что подобный тип изображения богини известен еще на печатях Бактрии эпохи бронзы (1983: 79).

Связь богинь с хищниками подтверждается и наблюдениями С.С. Бессоновой относительно сущности скифских женских божеств, которые были связаны со сферой «дикой природы», стихийными (а потому часто хищными) силами земли (Бессонова, 1991: 92). Возможно, таковой в древности вообще представлялась природа всех женских божеств. Например, этимология древнегреческого теонима «Гера» связана с идеей ярости, страсти, гнева (Казанский, 1989). Гера сама в ряде мифологических сюжетов выступает как богиня безумия (Евзлин, 1993: 238). В связи с этим, на наш взгляд, можно сопоставить как семантически равнозначные изображение хищника с головой человека в пасти из кург. 5 возле с. Архангельская Слобода (Лесков, 1981: 140-141, рис.26) и изображение «змееногой» богини с головой бородатого мужчины в одной руке и ножом в другой (Артамонов, 1961: 66-67, рис.10; Бессонова, 1983: 93-94, рис.19). Ярость хтонической стихии может успокоиться только жертвой (Евзлин, 1993: 268), высшая из которых — человеческая.

С другой стороны, большинство хищников, изображенных в скифском «зверином стиле», также можно определить как сущности женского пола.

На первый взгляд, можно довольно уверенно сказать, что звери, изображенные в скифской стилистической манере, воспроизводились без обозначения определенного пола, поскольку на большей их

части какие-либо явные половые признаки просто отсутствуют. Иное дело изображение скифо-античного круга, происходящие из Северного Причерноморья и Прикубанья. Античная традиция изображения в целом близка к натуралистичности, и именно поэтому в ней, наряду с детализацией, было принято отмечать и признаки пола. Это, прежде всего, касается изображения фаллоса. Именно с этим первичным признаком мужского пола изображены некоторые животные (львы, собаки, кабаны, олени) на античных или скифо-античных предметах IV в. до н.э. Преимущественно это ненавязчивое, неакцентированное изображение, скорее, намек на него. И лишь на двух неантичных изображениях, происходящих с территории скифского мира, воспроизведен фаллос: это свернувшийся хищник из крымского кургана Кулаковского (*Ильинская, Тереножкин, 1983: 109, 114*) и хищник в сцене борьбы из 4-го Семибратнего кургана (*Ильинская, Тереножкин, 1983: 220*). Возможно, оригинальным изображением фаллоса является голова синкретического существа, которая как будто вырастает из паха хищника, изображенного на зеркале из кург. 16 алтайского могильника Юстыд-ХII (*Кубарев, 1991: табл. XXXVIII, 26*). Кроме первичных, вторичным половым признаком можно считать изображение гривы, которую в природе имеют только львы-самцы.

Безусловным признаком женского пола является изображение «вымени». Оно обозначено у 6 хищников, изображения которых также относятся к скифо-античному кругу: на обкладках горитов чертомлыцкого типа, на кубках из Куль-Обы, на рукояти меча из Толстой Могилы и на браслетах из Большой Близницы (*Политович, 2006: 365*). Тем самым мастер, вероятно, специально подчеркивал женский пол отмеченных зверей, что, скорее всего, имело определенное значение в контексте изображения.

Однако все выше обозначенное касается лишь круга изображений, выполненных в античной или скифо-античной художественной манере, тогда как на собственно скифских изображениях определить пол хищников, исходя непосредственно из особенностей их воспроизведения,

невозможно. Хотя в предшествующей художественной традиции, существовавшей в евразийских степях и в Сибири в эпоху бронзы, различных животных и антропоморфных персонажей на стелах и петроглифах изображали, как правило, с четкими признаками мужского пола (*Медоев, 1979: рис.16; 21; 35; 36; 39; Вадецкая и др., 1980: 68; др.*).

Что же касается скифского времени, можно предположить, что мастера исходили «от противного», а потому отсутствие первичных или вторичных признаков мужского пола у животного можно воспринимать как принадлежность его к женскому полу. Следует учесть, что анатомически признаки женского пола являются скрытыми и не выделяются на внешнем строении животного. Подтверждением этого является изображение одной из кобылиц на пекторали из Толстой Могилы, вымя которой показано с внутренней стороны изделия и тем самым «скрыто» от зрителя (*Мозолевский, 1979: 87*). То есть можно предположить, что большинство изображений хищников следует считать особями женского пола. Видимо, не случайно в литературе за хищниками, имеющими преимущественные признаки семейства кошачьих, закрепилось определение «пантера».

Подобное определение пола хищников соотносится с его семантической интерпретацией, поскольку, согласно мифологическим представлениям многих народов, хищник, особенно семейства кошачьих, выступал как символ женской богини. Это, прежде всего, Богиня Земли (богиня-мать) или же родственные ей персонажи, которые, так или иначе, восходили к одному первоначальному. Главным символом и спутником такой богини был именно хищник. Показательными являются переднеазиатские статуэтки энеолитического времени, среди которых представлены женские фигурки с детенышем леопарда на руках и в набедренной повязке с хвостом (*Антонова, 1984: 98*). Львы были связаны с переднеазиатской Иннаной-Иштар, символизируя разрушительную силу этого женского божества (*Антонова, 1984: 175*). Хищные звери также выступали символами плодородия природы, чем объяснялась

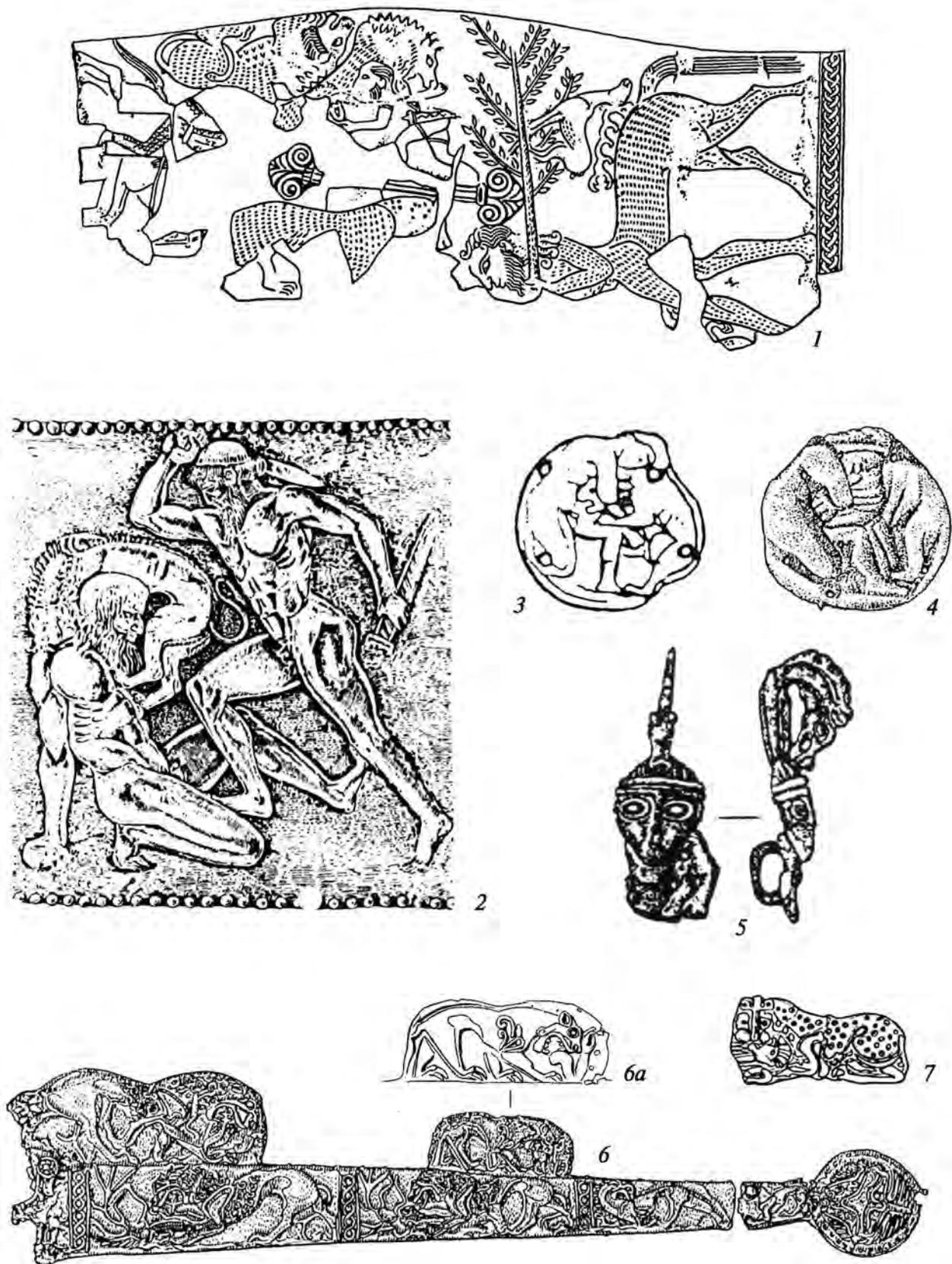

Рис. 2.

1 – Келермесские курганы, Прикубанье (по: Галанина, 1997); 2 – Уляпский кург.4, Прикубанье (по: Соколовица курганов Адыгеи, 1985); 3 – курган Чертомлык, Сев. Причерноморье (по: Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991); 4 – курган Желтокаменка, Сев. Причерноморье (по: Мозолевский, 1982); 5 – кург.1 некрополя II Тенгинского городища, Прикубанье (по: Эрлих, 2002); 6-6а – курган Солоха, Сев. Причерноморье (по: Манцевич, 1969); 7 – кург.5 у с. Архангельская Слобода, Сев. Причерноморье (по: Лесков, 1981).

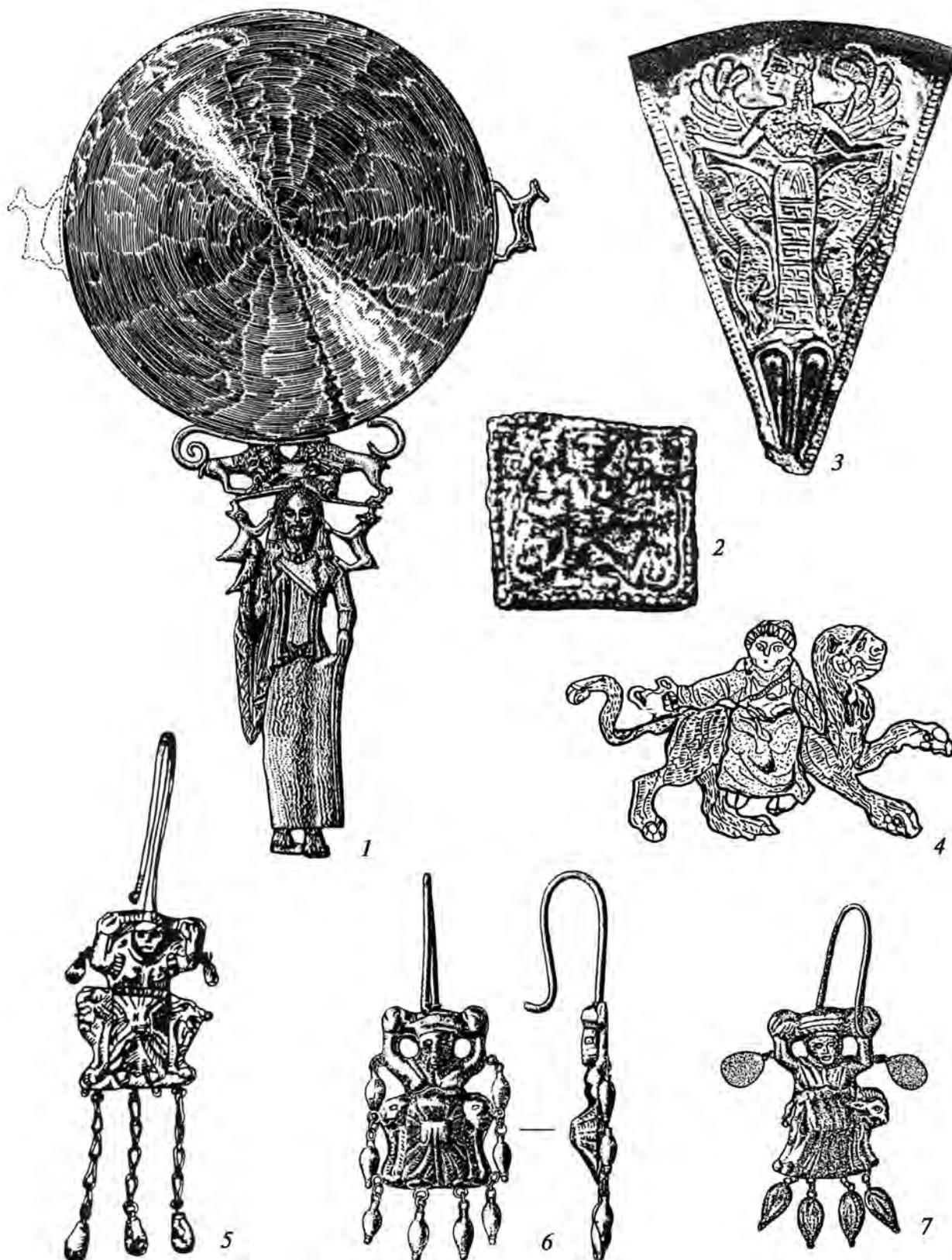

Рис.3.

1 – Херсонский курган, Сев. Причерноморье (по: Кузнецова, 1991); 2 – погр.1 кург.11 у с.Старый Мерчик, Северо-Восточное Причерноморье (по: Бандуровский, Буйнов, 2000); 3 – Келермесские курганы, Прикубанье (по: Максимова, 1954); 4 – курган Большая Близница, Прикубанье (по: Артамонов, 1966); 5 – кург.5 (1908 г.) у с.Мастюгино, Среднее Подонье (по: Манцевич, 1973); 6 – курган Толстая Могила, Сев. Причерноморье (по: Мозолевский, 1979); 7 – кург.2 у с. Любимовка, Сев. Причерноморье (по: Лесков, 1972).

их связь с женскими божествами. В индоевропейской традиции с женским началом соотносились, прежде всего, хищники семейства кошачьих — лев, леопард (*Гамкрелидзе, Иванов, 1984: 500*). Хищник являлся спутником и символом также и древнеиранской богини земли и плодородия (*Снесарев, 1969: 256-258*).

В литературе скифскую богиню, изображенную вместе с хищниками, принято называть Хозяйкой зверей. Однако применение такого названия относительно этого образа, на наш взгляд, очень сужает возможный круг функций божества, которое с ним соотносится. С.С. Бессонова приводит обширный круг аналогий этому образу, благодаря которому он может быть отнесенным к классу богинь плодородия, для которых заступничество над дикими зверями было лишь одной из ее функций (*Бессонова, 1983: 81-93*). О Великой богине, почитавшейся местным населением Северного Причерноморья, говорит И.Ю. Шауб (*Шауб, 1999; 2007*).

Сцены с участием мужского персонажа и хищника основаны на их открытом смертельном противостоянии. При этом, победа могла изображаться обоюдной: в одних случаях повержен человек, остатки которого терзает хищник (рис.2, 5-6), в других — предрешена судьба хищника (рис.1, 1, 3-8; 2, 1, 3-4).

К раннескифскому времени относится только одно изображение сцены противоборства героя-мужчины и хищника, воспроизведенное среди других сцен на ритоне из Келермесских курганов (рис.2, 1). Ритон в скифском мире — предмет мужской, воинской культуры, мужской символ (*Галанина, 1997, с.148*), и появление подобной сцены в сочетании с иными эпическими и ритуальными изображениями (см. рис.2, 1) на таком предмете вполне закономерно. Подробное исследование келермесского ритона, проведенное М.И. Максимовой, показало тесную связь общего замысла всего декора со скифской идеологией (*Максимова, 1956*). На отдельно выделенном поле на ритоне было изображено крылатое божество в позе «колелопреклоненного бога», держащее за передние правые лапы двух грифонов (*Галанина, 1997: табл.39, 41*).

Иконография божества непонятна из-за повреждений, но, как отметила С.С. Бессонова (*1983: 86*), грифоны почти никогда не изображались вместе с «Владычицей зверей». Напротив, в греко-восточном искусстве известен образ «Владыки зверей» (*Бессонова, 1983: 86, рис.10*). Известен этот персонаж и по скифским изображениям — из кургана Шахан в Прикубанье (*Манцевич, 1966: 34-35, рис.7, 11; Бессонова, 1983: 86, рис.9, 2*) и погр. 2 кургана Соболева Могила в Северном Причерноморье (*Мозолевский, Полин, 2005: 178-179, рис.98, табл.16-17*). В первом случае изображение было воспроизведено на золотой обкладке деревянного сосуда, во втором — на ажурной пластине, входившей в комплекс оформления горита, т.е. в обоих случаях они были связаны с предметами мужской сферы культуры.

Таким образом, келермесский ритон четко обозначил мужскую линию скифской культуры, существовавшей фактически параллельно женской (см. также об этом: *Бессонова, 1991*).

В VI–V вв. до н.э. мужская линия в изобразительном искусстве практически не проявлялась. Исключение составляет изображение на халцедоновой печати из кург. 2 у с. Покровка (рис.1, 8), попавшее в Южное Приуралье из Ахеменидского Ирана. И только в IV в. до н.э. в Северном Причерноморье и Прикубанье распространились изображения сцен противостояния мужского персонажа и хищника (прежде всего, львов). Это сцены охоты (рис.1, 1, 3-5), рукопашной схватки (рис.2, 3-4) и поражения хищника мечом (рис.1, 6-8).

Изображения сцен рукопашной схватки все исследователи признают заимствованными из античного искусства и рассматривают как схватку Геракла с немейским львом. Однако, хотя этот сюжет и был производным из античной мифологии и иконографии, он, тем не менее, был органически включен в «ткань скифского мифологического осмысления мира», поскольку выражал понятную и актуальную для местного населения идею (*Граков, 1950; Раевский, 1985: 164-165*). По мнению Д.С. Раевского, существовал строгий отбор популярных в Скифии мотивов греческой мифологии (*Раевский, 1985: 164*). В частности,

из всего богатства изобразительных сюжетов, связанных с Гераклом, одним из самых популярных греческих героев, использовались только некоторые: борьба со львом и, возможно, со змеями (там же), а также — с цербером (*Мозолевский, Полин, 2005: табл.8, 4*). Б.Н. Граков по этому поводу отметил семантическое единство всех воплощений мотива борьбы героя со львом, одинаковое восприятие их как связанных с местными мифами (*Граков, 1950: 14*). Тогда же, в IV в. до н.э., распространяются изображения сцен борьбы и с другими хтоническими существами (*Бессонова, 1977: 17-20*).

В восточных регионах скифо-сарматского мира появляются изображения сцен охоты на иное хтоническое животное — кабана. Это изображения из могильника Тээргэ-III в Туве (рис.1, 2), из сибирской коллекции Петра I (*Руденко, 1962: табл.IV, 5*), а также сарматских памятников — погребения у с. Косика в Нижнем Поволжье и погр. 1 кург. 4 могильника Вербовский-II на Дону (*Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993; Трейстер, 1994; Мамонтов, 2004; Сергацков, 2006*). Данные сцены находят параллели в

знаменитом сюжете калидонской охоты на кабана в античной мифологии, а также в охоте на кабана, приводящего своих преследователей в потусторонний мир, в кельтской мифологии (*Мифы народов мира: 635*).

Можно предположить, что спрос на подобные изображения, возросший в скифском мире в IV в. до н.э., обозначил переломный момент в мировоззрении североиранских народов, когда, по выражению Е.В. Антоновой, «хтоника уступила местом героике» (*Антонова, 1984: 22*).

Изображение противоборства мужского персонажа и хищника немногочисленны, но довольно показательны. Благодаря им как бы разрывался круг покорности всего сущего перед смертью, перед хтоническими силами, торжество которых выражалось в сценах нападения и терзания, и вместе с тем появилась тема борьбы с этими силами и победы над ними (*см. Раевский, 1985: 165*). Тем самым рядом с сугубо мифологической темой кругооборота жизни и смерти (сцены нападения и терзания, наиболее полно выраженные на пекторали из кургана Толстая Могила) появилась эпическая тема преодоления смерти.

Литература

Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991 — Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. К., 1991.

Антонова, 1984 — Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984.

Артамонов, 1961 — Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 1961. Вып.2.

Артамонов, 1966 — Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага-Ленинград, 1966.

Бандуровский, Буйнов, 2000 — Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени (северскодонский вариант). К., 2000.

Бессонова, 1977 — Бессонова С.С. Образ собакоптах у мистецтві Північного Причорномор'я скіфської епохи // Археологія. 1977. Вип.23.

Бессонова, 1983 — Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. К., 1983.

Бессонова, 1991 — Бессонова С.С. «Мужское» и «женское» в сакральной сфере у скифов //

Духовная культура древних обществ на территории Украины. К., 1991.

Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980 — Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980.

Галанина, 1997 — Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997.

Гамкрелидзе, Иванов, 1984 — Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка протокультуры. Том II. Тбилиси, 1984.

Граков, 1950 — Граков Б.Н. Скифский Геракл // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV.

Грач, 1980 — Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

Гуляев, 2005 — Гуляев В.И. Скифы: расцвет и падение великого царства. М., 2005.

Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993 — Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Сарматское погреб-

- бение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3.
- Евзлин, 1993* – Евзлин М. Космогония и ритуал. М., 1993.
- Ильинская, Тереножкин, 1983* – Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. К., 1983.
- Казанский, 1989* – Казанский Н.Н. К этимологии теонима Гера // Палеобалканистика и античность. М., 1989.
- Канторович, 1998* – Кантарович А.Р. Изображения на скифских навершиях из кургана Слоновская Близница (стилистика и семантика) // РА. 1998. № 4.
- Кубарев, 1991* – Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
- Кузнецова, 1991* – Кузнецова Т.М. Этюды по скифской истории. М., 1991.
- Лесков, 1972* – Лесков А.М. Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972.
- Лесков, 1981* – Лесков А.М. Курганы: находки, проблемы. Л., 1981.
- Максимова, 1954* – Максимова М.И. Серебряное зеркало из Келермеса // СА. 1954. Том XXI.
- Максимова, 1954* – Максимова М.И. Ритон из Келермеса // СА. 1956. Том XXV.
- Мамонтов, 2004* – Мамонтов В.И. К вопросу о сарматской торевтике // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Международная Нижневолжская археол. конф. Тез.докл. Волгоград, 2004.
- Манцевич, 1966* – Манцевич А.П. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. 1966. Вып.8.
- Манцевич, 1969* – Манцевич А.П. Парадный меч из кургана Солоха // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. МИА. № 150. М., 1969.
- Манцевич, 1973* – Манцевич А.П. Мастюгинские курганы. По материалам из собрания Гос. Эрмитажа // АСГЭ. 1973. Вып.15.
- Медоев, 1979* – Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка. Мангышлак. Алма-Ата, 1979.
- Мозолевский, 1979* – Мозолевский Б.М. Товста Могила. К., 1979.
- Мозолевский, 1982* – Мозолевский Б.Н. Скифский «царский» курган Желтокаменка // Древности степной Скифии. К., 1982.
- Мозолевский, Полин, 2005* – Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы). К., 2005.
- Онайко, 1970* – Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1-27. М., 1970.
- Переводчикова, 1994* – Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994.
- Петренко, 1978* – Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д4-5. М., 1978.
- Полидович, 2006* – Полидович Ю.Б. Хищник и его жертва: Выражение круговорота жизни и смерти средствами скифского зооморфного кода // Структурно-семиотические исследования в археологии. Том 3. Донецк, 2006.
- Пузикова, 2001* – Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М., 2001.
- Раевский, 1985* – Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. М., 1985.
- Руденко, 1962* – Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. 1962. Вып. Д 3-9. М.
- Русяева, 1979* – Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. К., 1979.
- Сарианиди, 1983* – Сарианиди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. М., 1983.
- Сергацков, 2006* – Сергацков И.В. Два серебряных сосуда из Волго-Донских степей и некоторые вопросы истории сарматов I в. до н.э. // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. III Междунар. науч. конференция, посв. 75-летию со д.р. Г.А.Федорова-Давыдова. Тез. докладов. М., 2006.
- Смирнов, 1964* – Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Снесарев, 1969* – Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
- Сокровища курганов Адыгеи, 1985* – Сокровища курганов Адыгеи. Материалы Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ, 1961-1963. Каталог выставки / Лесков А.М. и др. М., 1985.
- Трейстер, 1994* – Трейстер М.Ю. Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики) // ВДИ. 1994. № 1.
- Фиалко, 1995* – Фиалко Е.Е. Фракийская узда из кургана Огуз // РА. 1995. № 1.
- Шауб, 1999* – Шауб И.Ю. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. № 3.
- Шауб, 2007* – Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб., 2007.
- Эрлих, 2001* – Эрлих В.Р. Святилище IV в. до н.э. некрополя II Тенгинского городища // Третья Кубанская археологическая конференция. ТД МАК. Краснодар-Анапа, 2001.
- Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986* – Piotrovsky V., Galanina L., Grach N. Scythian Art. Leningrad, 1986.